

Научная статья / Research article
УДК/UDC 72.007+72.036
DOI: 10.28995/2227-6165-2023-3-34-50

Елена Владимировна Джалилова
Elena Vladimirovna Dzhaliлова
аспирант, факультет истории искусства,
aspirant, Faculty of Art History,
Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities
selenasch95@gmail.com

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ БЫТ В РУКОПИСИ О.А. ВУТКЕ SOCIALIST WAY OF LIFE IN THE O.A. WUTKE'S MANUSCRIPT

Архитектура советского авангарда являлась одним из основных инструментов социального инжиниринга. К концу 1929 года в молодом революционном государстве сформировалось несколько точек зрения на проблему организации нового социалистического быта. Этот вопрос широко обсуждался представителями власти, общества и, прежде всего, специалистами, призванными на практике реализовывать концепции построения новой повседневности, среди которых одну из ведущих ролей играли архитекторы. Данная статья расширяет исследовательское представление о том, как советские специалисты 1920-х гг. понимали идею нового быта и как относились к возможности ее реализации, а также впервые вводит в научный оборот рукопись О.А. Вутке, одного из представителей советского архитектурного авангарда, в которой он предлагает собственное решение сложного вопроса.

Ключевые слова: социальный инжиниринг, архитектура, советский авангард, социалистический быт, коммуна

Для цитирования: Джалилова Е.В. Социалистический быт в рукописи О.А. Вутке // Артикульт. 2023. №3(51). С. 34-50. DOI: 10.28995/2227-6165-2023-3-34-50

The architecture of the Soviet avant-garde was one of the main tools of the social engineering. By the end of 1929, several points of view had formed on the problem of organizing a new socialist way of life in a young revolutionary state. This question had been widely discussed by the government representatives, by the society and, first of all, by the specialists, destined to realize in practice the concepts of a new way of life. Among them, the architects played one of the leading roles. The article expands the research understanding of how Soviet specialists of the 1920s understood the idea of a new everyday life and what did they think about the possibility of its implementation. The article also introduces for the first time the manuscript of O.A. Wutke, one of the representatives of the Soviet architectural avant-garde.

Keywords: social engineering, architecture, Soviet avant-garde, socialist way of life, commune

For citation: Dzhaliлова E.V. "Socialist way of life in the O.A. Wutke's manuscript." *Articult.* 2023, no. 3(51), pp. 34-50. (in Russ.) DOI: 10.28995/2227-6165-2023-3-34-50

В начале статьи автор хотел бы отметить, что не ставил перед собой задачу проследить трансформацию понятия «социалистический быт», что на сегодняшний день является предметом самостоятельных исследований и собственной историографии. В частности, можно упомянуть работу «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» [Фицпатрик, 2008]. В задачи данной статьи также не входит анализ аспектов марксизма, повлиявших на социалистическое строительство вообще. Настоящее исследование имеет целью ввести в научный оборот рукопись О.А. Вутке – советского архитектора, автора программного произведения советского конструктивизма Смоленского дома-коммуны. С этой целью автор выявляет круг тех идей, которые вдохновляли архитекторов на освоение новых задач и двигали их творческое воображение в конкретный исторический период: конец 1920-х – начало 1930-х гг., после того как была отвергнута сравнительно умеренная и постепенная новая экономическая политика и приняты решение о коллективизации и первый пятилетний план.

Взаимоотношения между властью и архитектурой в истории государств традиционно определялись идеологическими и практическими задачами. В СССР труднейшие периоды

восстановления экономики и жизнеобеспечения страны после революционных событий 1917 года, с одной стороны, диктовали многоуровневые задачи, в рамках которых советские архитекторы выработывали новые подходы к проектированию с учетом сложившихся реалий. В то же время решение жилищного вопроса на рубеже 1920–1930 годов носило уникальный характер – оно оказалось напрямую связано с попыткой тотальной реконструкции жизни общества в стране победившего пролетариата и, в целом, с попыткой формирования «нового человека» (из доклада Л.М. Кагановича на заседании Пленума ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. «О московском хозяйстве и развитии городского хозяйства» [РГАСПИ, Ф. 17., Оп. 2, Д. 470, л. 89]).

Каким образом архитектура начинает рассматриваться как один из инструментов социального инжиниринга? В предисловии к «К критике политической экономии» Карл Маркс писал: «Капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредованное вещами» [Маркс, 2001, т. 1, с. 1685].

Формирование новых общественных отношений, под которыми понималась вся совокупность производственных и социальных взаимодействий, должно было исключить возможность накопления капитала и позволяло выстроить новое общество на принципах социальной правды. Как представлялось, это было осуществимо только при изменении общественного сознания, которое, в свою очередь, зависело от общественного бытия, и не наоборот: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс, 1949, с. 7]. Таким образом, партийным руководством страны выстраивалась прямая зависимость между организацией «материальной» жизни общества, формированием нового социального самосознания и новых общественных отношений между людьми. Требовалось охватить не только «политику и экономику, но и мысль, и сознание, и все творчество культуры» [Бердяев, 2020, с. 431]. Очевидно, что ни первое, ни второе, ни третье не могли развиваться в рамках старой дореволюционной культуры с ее религиозными традициями, патриархальным семейным укладом и вообще самим образом жизни буржуазного общества. Поэтому к проблеме формирования «культурной надстройки» вынуждены были обратиться крупнейшие политические и культурные деятели, определявшие судьбу страны: В.И. Ленин [Ленин, 1970, с. 369], Л. Д. Троцкий [Троцкий, 1923], А.В. Луначарский [Луначарский, 1927], Н.И. Бухарин [Бухарин, 1928], А.К. Гастев [Гастев, 1924], Н.А. Семашко [Семашко, 1923] и многие другие.

Вопрос строительства социалистической культуры непосредственно связывался с «культурой быта» (см. доклад Л.М. Кагановича [РГАСПИ, Ф. 17., Оп. 2, Д. 470, л. 89-91]. Понятие «социалистического быта» позднее само станет предметом изучения как российских, так и иностранных специалистов, а историография этой проблемы – как понимался советский быт в каждый отдельный исторический период – может стать предметом специального изучения и в задачи данной статьи не входит. Архитектура же, цель которой – оформление пространственной среды жизнедеятельности человека, оказалась перед амбициозной задачей: требовалось построить здания совершенно иных типов и назначений, которые стали бы «социальными конденсаторами эпохи, ...новыми архитектурными организмами, эту эпоху обслуживающими» [Гинзбург, 1927, с. 160].

Нет сомнений, что советские идеологи во многом опирались на классическую работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), в которой используется понятие «коммунистическая семейная община» – с первых лет существования советского государства созданию коммун придавалось особое значение: они рассматривались в качестве одного из способов преодоления «частнособственнических инстинктов» посредством новых форм коллективного труда, совместной заботы о детях, распределения продуктов и проч. Семья в традиционном понимании должна была перестать существовать в силу отсутствия экономических причин, а следовательно, и страха со стороны женщины остаться без средств

существования и необходимостью сохранять брак. Эти принципы были положены в основу официальной риторики, превращая большевистское движение, по определению Троцкого, не в политическую партию, но, в, своего рода, философию [Троцкий, 1923, с. 18].

Такое понимание коллектива не просто как сотрудничества людей, но как особого телесного и духовного опыта, потребовало и своей архитектурно-пространственной организации. Конечно, идеологические теории и формулировки не могут быть напрямую воплощены в творческие решения, но они могут вдохновлять и направлять, что и происходило: уже в 1920 году в рамках деятельности творческого объединения «Живискульптарх» появляются первые «бумажные» проекты домов-коммун Н.А. Ладовского и В.Ф. Кринского. Это были только эскизы, формотворческие фантазии, в которых тем не менее ясно отражается полет мысли архитекторов новой формации: тип нового строения уже был задан – это не доходный дом, не общежитие, но пространство, которое ориентировано на иные социальные отношения между людьми, с помещениями, предназначенными под общественное пользование, библиотеками и т.д.

В 1923 году, сразу после окончания основных боев Гражданской войны, В.И. Ленин провозглашает ориентир на «культурничество», в том же году выходит брошюра Л.Д. Троцкого «Вопросы быта: эпоха культурничества и ее задачи», в которой последний оговаривает ближайшие задачи: «Новое домостроительство – а мы начнем все-таки строить дома! – должно быть заранее сообразовано с потребностями семейно-групповых общежитий» [там же, с. 46].

Вопрос о бытовой культуре, то есть о постоянном регулировании бытовых привычек, был поднят не случайно. Особый социально-психологический климат эпохи породил волну невиданного энтузиазма, когда людям казалось, что они готовы к самым радикальным экспериментам. Коммуны образовывали в основном в студенческой и рабочей среде – под их жилищные нужды пытались приспособить старый жилой фонд за счет перепланировки последнего. Так, вместо кухонных помещений увеличивали жилую площадь, в подвалах размещали столовые, ясли и т.п. Но к середине 1920 годов, несмотря на известные удачные примеры организованной жизни в коммунах, приходило понимание, что одного совместного принятия пищи в общей столовой недостаточно для формирования «коммунистической семьи»: новые социальные отношения часто шли рука об руку со старыми бытовыми пороками – дрязгами, пьянством, драками [Кетлинская, Слепков, 1929, с. 112].

Как представлялось, виной этому была традиционная форма планировки жилого помещения, основанная на принципах ведения обособленной частной семейной ячейки. Планировочное пространство старых типов домов, будь то усадьбы или доходные дома, не позволяло «раскрыть» жизнь человека, свободную от работы, во вне: не было предусмотрено пространств совместного досуга. То есть не было того, что должно было стать новым «очагом» жилого дома. В результате, «дом-коммуна приобрел все оттенки третьесортного продукта. При упоминании этого названия заранее ощетиываются, ожидая увидеть нечто нехорошее, ненужное, вредное для окружающих» [Пастернак, 1927, с. 125]. Ситуацию осложняла общая безграмотность населения, наплыв крестьянских масс в города, которые привносили в городскую среду, помимо личного имущества, свои привычки, традиции, семейный уклад, а в целом демонстрировали «колоссальный сдвиг, потрясение всех участков быта, общественных представлений, морали, произведенные годами войн и революции» [Кетлинская, Слепков, 1929, с. 112].

Несмотря на все эти сложности, казавшиеся непреодолимыми, задача обобществления быта оставалась актуальной, и, по словам советского архитектора, одного из лидеров конструктивизма, М. Я. Гинзбурга, «работа над новым социальным типом <жилья> велась нами с 1925 года» [Гинзбург, 1934, с. 138]. Проектная деятельность и сложности, которыми она сопровождалась, были подробно рассмотрены С.О. Хан-Магомедовым во второй книге монографии «Архитектура советского авангарда» [Хан-Магомедов, 2001].

В то же время вопрос о социалистической сущности пролетарской культуры, особенно на фоне развертывания новой экономической политики, продолжал широко обсуждаться, в том числе и в периодической печати, но, судя по материалам печати, единой точки зрения не сформировалось. Сложно в этой связи не упомянуть пролетарского деятеля и писателя П.К. Бессалько, который утверждал, что для рождения нового искусства (а по сути, добавим, и культуры) надо сначала «выявить себя» [Бессалько, Калинин, 1919].

В 1926 году Объединение современных архитекторов (далее – ОСА) объявило «товарищеское соревнование» на лучший эскиз дома-коммуны, результаты которого молодые архитекторы-конструктивисты преподнесли в качестве подарка десятилетию Октября на Первой выставке ОСА.

Тогда были представлены принципиально новые проекты домов-коммун, выполненные в конструктивистском стиле, в основе которых лежала идея обобществленного быта. Проектные решения были рассчитаны на так называемый «переходный этап», в котором допускалось совмещение общественной и индивидуально-семейной жизни. Таким образом, в проектном отношении квартиры представляли собой однотипные жилые ячейки, нанизанные на магистраль горизонтального коридора или вертикаль лестниц, в отдельных проектах совмещали тот и другой подход. Но даже в 1927 году представления о том, что есть социалистический быт, оставались для архитекторов неясными: в апрельском выпуске журнала «ОСА» (печатный орган объединения современных архитекторов) в сопроводительной статье к выставке предельно откровенно звучит признание: «Новый быт провозглашен передовыми ведущими страну людьми..., но где такой знающий человек, кто скажет в какие формы окончательно он выльется и закристаллизуется этот новый уклад жизни, этот НОВЫЙ БЫТ? Об этом нам не расскажет никто... ибо жизнь ...зависит ...от тысячи мельчайших подробностей, исчезающих с поля зрения при невооруженном глазе» [Пастернак, 1927, с. 125].

Непросто решался не только вопрос «бытоустройства». В связи с развертыванием плана ГОЭЛРО, позднее – с принятием плана первой пятилетки и дальнейшим пересмотром его в сторону увеличения показателей, начали формироваться проблемы градостроительного характера в привязке к территориальному размещению объектов промышленного производства по всей стране. Проектирование в этой сфере должно было определять весь цикл повседневной жизни советского гражданина от места проживания и работы до способа организации свободного времени.

Процесс градостроительных поисков шел параллельно с необходимостью сиюминутного преодоления жилищного кризиса, связанного с наплывом крестьянских масс в развивающиеся города.

До начала первой пятилетки правительственные органы осуществляли разработку нормативной базы по регулированию планировок и застроек городских территорий, опираясь на уже существующий опыт. Этот подход сводился к градостроительной концепции «города-сада», на которую ориентировались при застройке первых рабочих поселков в процессе реализации плана ГОЭЛРО. Идеи города-сада в России развивал выдающийся русский и советский архитектор и градостроитель Владимир Николаевич Семенов. В градостроительную планировку, пришедшую в Россию из Англии в конце XIX века, Семенов привнес элементы традиционного русского градостроительства, характерные для XVIII – начала XIX вв.: проект первого в России рабочего поселка по типу «города-сада» на станции Прозоровской получил регулярную в плане застройку, симметричную относительно центральной оси; трехлучие с единым композиционным центром – круглой площадью и расположенными на ней административными зданиями; общую живописную организацию, органично внедренную в природный ландшафт.

Существенной характеристикой концепции города-сада являлось то, что за счет привлечения частных денежных средств в рамках кооперативного сотрудничества малоимущие слои населения

могли бы, погашая кредит, стать полноправными собственниками и управленцами своей недвижимости.

Экономическая составляющая концепции «города-сада» представляла собой эффективный набор инструментов для решения проблем нарастающего жилищного кризиса и дальнейшей эксплуатации жилого фонда с помощью задействования механизмов жилищной кооперации. В 1922 году в Советской России было воссоздано «Общество городов-садов» [Меерович, 2017, с. 354]. Выработанный комплексный подход к проектированию вновь возводимых поселений, «подходящее» социальное содержание, государственная собственность на землю в условиях новой экономической политики создали, казалось бы, все условия для решения жилищного кризиса и внедрения коллективных форм самоуправления.

На деле в стране Советов концепция «города-сада» претерпела существенные изменения: ограниченное финансирование и нехватка строительных материалов вынуждала на деле применять в проекте примитивную геометрическую разбивку территории в виде прямоугольной сетки, что позволяло сильно сократить протяженность инженерных коммуникаций, проездов, снизить расходы на благоустройство. Подобные планы получили первые рабочие поселки Сталинграда – поселок им. Рыкова, поселок им. Минина и другие.

Социальная составляющая «города-сада», направленная на формирование частного жилищного фонда, а также предлагаемая культура загородной «усадебной» жизни вошли в противоречие с фундаментальными идеологическими установками эпохи. В результате «Первой градостроительной дискуссии» в марте 1923 года градостроительная концепция «города-сада» была объявлена «чужеродным западным мелкобуржуазным явлением» [там же].

В то же время грандиозные замыслы первой пятилетки (1928–1933), нацеленные на индустриальный прорыв СССР, намного превышали те запросы, которые позволила бы реализовать идея «города-сада» в рамках всей страны, и выдвинули на первый план принципиально иные задачи не только перед руководством страны. Советские экономисты, социологи, архитекторы, градостроители, как и все советское общество в целом, оказались неотъемлемыми участниками этого процесса.

В ходе «великого перелома» шел пересмотр производственных планов в сторону их резкого увеличения. 3 января 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило решение комиссии при СНК о необходимости повышения производительности труда в 1928/1929 г. на 17% [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 720, л. 1-10; РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 7, л. 21-24], что, в свою очередь, делало насущной потребность в стремительном увеличении количества квалифицированных кадров, налаживании контроля показателей производства, улучшении дисциплины труда, производственной и социально-бытовой культуры.

Таким образом, реализация форсированных темпов достижения показателей первой пятилетки ставилось в зависимость от мобилизационной энергии широких трудовых масс по всей стране. Это, в свою очередь, оказывалось невозможным осуществить без опоры на энтузиазм и пафос индустриализации как служения великой цели. Также данный процесс должен был базироваться на создании новых мотиваций в работе, по сути – на перестройке сознания рабочего, трансформировавшегося из единоличного получателя экономических благ в «коллективного человека». На этом фоне вопрос о переустройстве быта становился политической задачей. С этой целью в период 1928–1929 годов создаются многочисленные партийно-государственные комиссии (при Оргбюро ЦК ВКП(б), Президиуме ЦКК НК РКИ, СТО), отвечающие за строительство новых городов, перевод предприятий на непрерывную неделю труда; комиссии по перестройке быта, и отдельно – по женскому вопросу и перестройке быта женщины и др.

На примере анализа работы упомянутых комиссий хорошо видно, насколько тесно увязывались вопросы переустройства быта с решением прикладных задач развития советской

экономики (из материалов работы комиссий видно, что одной из важнейших целей социалистической перестройки быта советские экономисты Л.М. Сабсович, Ю. Ларин и др., работавшие в вышеуказанных правительственных комиссиях, видели в дополнительном привлечении на производство женского труда, за счет освобождения женщин от домашних обязанностей. Отселение детей и возложение обязанностей по воспитанию молодого поколения на государство преследовало также двойную цель: освобождение женского труда, и, по словам Л.М. Сабсовича: «Мы должны немедленно же принять все меры к тому, чтобы сделать из детей новых людей» [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 113, Д. 851, л. 78, 80, 117-117об, 122; Сабсович, 1930]. Не удивительно, что последующие две кардинально противоположные концепции («урбанизма» и «дезурбанизма») социалистического расселения и «бытоустройства» были предложены именно экономистами, входившими в вышеуказанные комиссии.

Суть так называемой «второй градостроительной дискуссии» подробно рассмотрела В.Э. Хазанова в монографии «Советская архитектура первой советской пятилетки» [Хазанова, 1980]. Необходимо отметить, что борьба сторонников «урбанизма» и «дезурбанизма», а также последующее осуждение их ЦК ВКП(б), имели не только сугубо экономическую, но и политическую подоплеку [Меерович, б.г.]. Освещение этого противоречивого вопроса не входит в задачи данной статьи, однако, подчеркнем, что даже на самом высоком уровне к 1930 годам отсутствовала единая точка зрения на ключевой вопрос – как должна быть организована социально-бытовая сторона жизни советского человека, города, страны [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 113, Д. 851, л. 42-48].

«Урбанисты» (Л.М. Сабсович – член ВСНХ и сотрудник Госплана, входивший в состав комиссии по переводу предприятий и учреждений на непрерывную неделю) видели основу социалистического расселения в создании при промышленных центрах социалистических городов – «соцгородов» – численностью населения до 50–60 тыс. человек, структурной единицей которых должны были стать не кварталы, а настоящие фаланстеры. Эти дома-коммуны по типу жилищных комбинатов, рассчитанные на 2-4 тыс. человек каждый, организованные по принципу полного обобществления быта, где не допускалось совместное проживание супругов и детей в семьях, являли собой пример «социального футуризма», экономические расчеты которого были основаны на идеалистическом представлении, что жизненный уклад человека можно в одночасье изменить путем политических решений.

«Дезурбанисты» (М.А. Охитович – экономист, входил в коллектив архитекторов-конструктивистов Секции типизации Стройкома РСФР под руководством М.Я. Гинзбурга) предлагали равномерное распределение по территории страны и промышленных и жилых объектов. Отдельно стоящие домики на одного человека, при необходимости должны были легко демонтироваться и собираться на новом месте, что обеспечивало бы человеку полную свободу передвижения и независимость от места работы.

Социальному футуризму Сабсовича, Охитович противопоставлял не менее утопическое философское мировоззрение, черты которого объемно сформулировала В.Э. Хазанова: «Исчезают все прежние представления о близости и дальности, об одиночестве и общности... Пространство человеческого общения становилось столь же беспредельным, как и пространство человеческого расселения. Сборно-разборное строительство, скоростной транспорт служили этой программной непривязанности “ни к чему из окружающего” предметного мира. Радио, телефон должны были заменить живое человеческое общение, “снять” страх одиночества, приблизить отдельное изолированное “жилище-строение” не столько к ближайшим соседям, сколько ко всему миру. Эта причастность к жизни планеты должна была заполнить все в человеке, оставив в душе его совсем немного места и сил для любви друг к другу, к своим детям и родителям» [Хазанова, 1980, с. 58]. В.Э. Хазанова особо подчеркивает парадокс, который состоял в том, что «идеями дестационаризации по сути проникнуты и все будущие постоянные и даже несколько тяжеловесные соцгорода в концепции урбанистов. Ведь «помещение на одного трудящегося»,

предложенное ими, так же, как и сборные легкие «отдельные строения для одного трудящегося» в проектах расселения дезурбанистов, отторгали людей от мира привычных бытовых вещей» [там же, с. 59].

Вопрос градостроительства и перестройки быта к рубежу 1929–1930 годов – центральный вопрос, решаемым советскими архитекторами – М.Я. Гинзбургом, В.Н. Семеновым, братьями Весниными, А.У. Зеленко, И.И. Леонидовым, К.С. Мельниковым и другими. В связи с темпами, принятыми производством, вопрос жилищного строительства из теоретического становится практически ориентированным: по всей стране – в Москве, Новосибирске, Сталинграде, Томске, Екатеринбурге и многих других городах, реализовывают проекты домов-коммун.

Одним из проектов, задуманных в этот период и реализованных в 1931–1933 годах, становится проект Смоленского дома-коммуны рабочего жилищно-строительного кооператива «Труд», представлявший собою строение переходного типа, возведенное по проекту архитектора Олега Алексеевича Вутке. Интерес к этому объекту связан не только с социальным «содержанием» здания новой типологии или экспериментальным применением новых конструкций перекрытий и материалов. В личном архиве архитектора удалось обнаружить рукопись, уникальность которой заключается, прежде всего, в том, что, рассуждая теоретически на тему, какова должна быть пространственная организация быта советского человека, архитектор фактически раскрывает свой замысел относительно здания, которое позже было возведено по его проекту. Рукопись О.А. Вутке оказывается живым свидетельством тех поисков, которые вели советские архитекторы в доверенной им сфере – формирование нового человека.

Жизнь и творчество Олега Алексеевича оказались неразрывно связаны с ключевыми вопросами, над которыми работали советские архитекторы в течение первых двух индустриальных пятилеток: поиск новых типов общественных зданий, разработка новых конструктивных решений, оптимизация строительно-производственного процесса в масштабах страны в период форсированных темпов индустриализации.

Из материалов личного архива известно, что О.А. Вутке, (до крещения Отто Генрихович Вутке) был этническим немцем, крестился, будучи студентом МУЖВЗ, проживал с семьей в Немецкой слободе в Москве. В период обучения Олег Алексеевич являлся учеником В.Н. Семенова. Из материалов архива можно также предположить, что В.Н. Семенов оказывал содействие и поддержку молодому архитектору. Так, Вутке проходил практику в его мастерской до 1917 года, а после революционных событий Семенов привлекал Вутке к тем проектам, в которых участвовал сам: Олег Алексеевич работал в жилищном отделе Казанской железной дороги [ГА РФ, Ф. Р393, Оп. 85, Д. 1430, л. 6], участвовал в проектировании первых рабочих поселков (Сокол, Бобрики и др.), а также социалистических городов – Сталинграда, Магнитогорска. В.Н. Семенов подписывал ходатайство об устройстве О.А. Вутке в управление коммунального хозяйства при НКВД города Москвы [там же, л. 9]. В середине 1930-х Олег Алексеевич работал в Академии архитектуры, занимался реконструкцией советских деревень, проектировал новые типы сельских строений, преподавал проектирование.

Рукопись (рис. 1), очевидно, была написана в переломный момент развития советской архитектуры – на рубеже 1929–1930 годов. При жизни автора она не издавалась, таким образом, теоретическая работа О.А. Вутке впервые вводится в научный оборот.

Авторский экземпляр рукописи представляет собой 90 листов машинописного текста без авторского названия, без сквозной нумерации, содержит раздел «Предисловие» и 17 глав, названных «беседами». На первом листе в левом верхнем углу расположена надпись: «О.А. Вутке. Москва, центр, ул. Мархлевского, д. 9а, кв. 13, тел. дом. 1-78-14, служ. 3-53-90», в правом верхнем углу – пометка красным карандашом «II экз». Ниже приведен эпитаф: «Революция завершит свою работу тогда, когда она явится в лаборатории ученых. Бабеф».

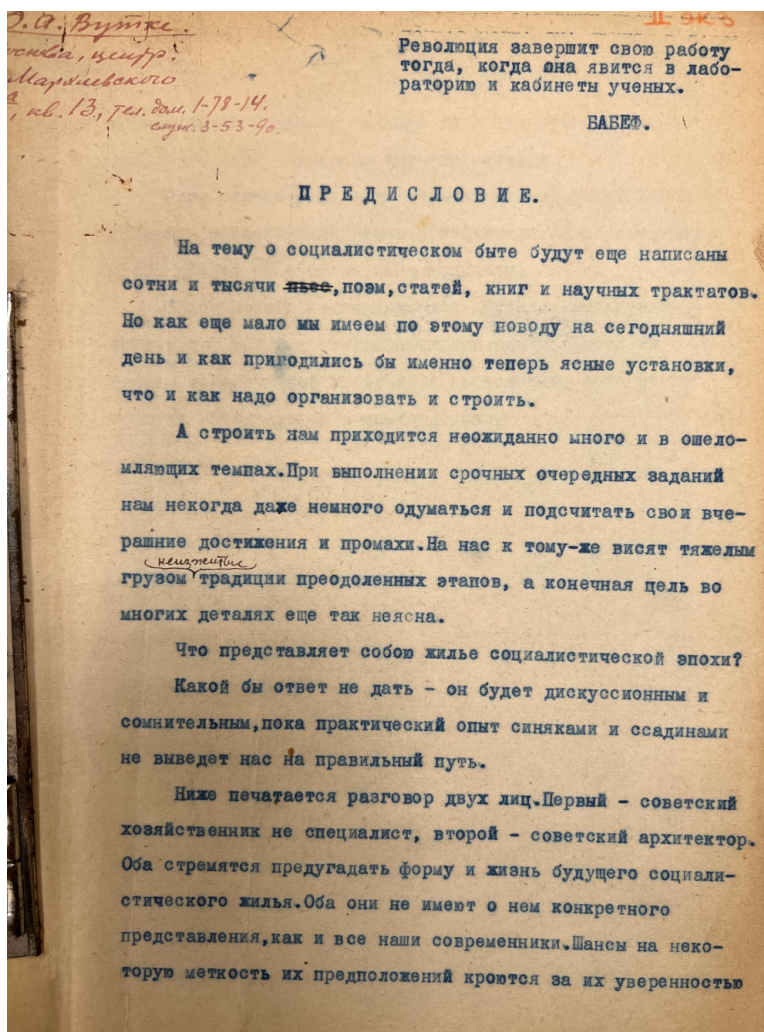

Рис. 1.

Фото рукописи О.А. Вутке.

Датировка в тексте рукописи отсутствует, тем не менее представляется возможным определить ее по содержанию, хотя и с некоторыми оговорками. Как упоминалось выше, рукопись была создана до или в процессе проектирования автором Смоленского дома-коммуны. Косвенно на это указывает то, что некоторые предложения из рукописи вошли в пояснительную записку, датированную автором 23 февраля 1930 года и заслушанную на заседании технического совета Западной области УСК г. Смоленска 27 февраля 1930 года [Государственный архив Смоленской области, Ф. Р-701, Оп. 1, Д. 342, л. 100]. Скорее всего, рукопись создавалась до принятия Постановления ЦК ВКП(б) о перестройке быта [О работе по перестройке быта, 1930, с. 3], вышедшего в печати в мае 1930 года, так как прямых отсылок к нему в тексте статьи не содержится, что было бы естественным, учитывая тему и значимость органа, принявшего Постановление.

В рукописи в «Беседе 1» отражено, что «уже скоро год, как вся наша периодическая печать полна заметок и статей о строительстве социалистических городов и организации социалистического быта... и мне интересно, какое же течение возьмет в конце концов вверх: урбанизация или наоборот дезурбанизация». Приходится сделать оговорку, что Постановление, решая принципиальный вопрос дальнейшего направления в строительстве советских городов, одинаково осудило и урбанизм, и дезурбанизм как левые и правые «загибы». В то же время данное Постановление не дало однозначного ответа, что есть социалистический быт и каков путь дальнейшего развития ни по градостроительному вопросу, ни по вопросу пространственной организации быта, ограничившись общими указаниями «обеспечить достаточную зеленую полосу между производственной и жилой зонами, пути и средства сообщения и предусмотреть оборудование этих поселков водопроводом, электрическим освещением, банями, прачечными,

общественными столовыми, детскими учреждениями, клубами, школами и медпомощью», а также «принять все меры к максимальному удешевлению строительства» [там же]. Таким образом, имеются все основания предположить, что О.А. Вутке работал над статьей в период 1929-1930 годов. Работа не была закончена, также отсутствует «Беседа № 9», но содержится пометка «не доработана». Возможно, причиной того, что Вутке прервал работу над текстом, являлось само Постановление – автору могло потребоваться время скорректировать свою идею.

Рукопись представляет собой диалог – обсуждение, происходящий между «советским хозяйственником» и «советским архитектором», что косвенно отсылает к градостроительной дискуссии, развернувшейся между экономистами и архитекторами, о чем говорилось выше. При этом Вутке замечает в предисловии, что ни первый, ни второй, как и «все наши современники», не имеют представления о будущем социалистического жилья.

В самом начале О.А. Вутке упоминает современные проекты новых поселений, которые разрабатывались в период второй градостроительной дискуссии. Речь может идти о проектах Сталинграда или Магнитогорска, над которыми активно работали многие советские архитекторы в 1929–1930 годов и которые широко освещались в печати. При этом автор делает поразительное для своего времени замечание. Оно особенно ценно тем, что было озвучено архитектором еще до того, как официально прозвучали слова осуждения обеих градостроительных идей.

Вутке пишет о том, что, на первый взгляд, ни одной из концепций нельзя отказать в «правоте по некоторым отдельным моментам». Так, он отмечает экономическую выгоду обобществления быта в коммунах, в частности за счет организации общественного питания. С другой стороны, автор упоминает и чрезвычайную экономию средств и времени при возведении частных индивидуальных сборных домиков, предложенных дезурбанистами. Но в целом, «какой проект ни посмотришь – чего-то не хватает, и чего-то очень существенного. За всеми этими красивыми планами ...не видать человека».

Эту суть обеих градостроительных концепций уловила и ясно сформулировала много позже исследовательница советского авангарда В.Э. Хазанова. Она отмечала, что оба направления «прерывали естественные отношения людей с окружающей предметной средой и взамен... обрекали людей на постоянную жизнь в удобных и даже совершенных по своему устройству гостиничных номерах с ничьей мебелью, с ничьей посудой, с вещами “всех для всех”» [Хазанова, 1980, с. 58]. Очевидно, эта тенденция осознавалась с самого начала теми, кто не был без оглядки включен в разработку той или иной градостроительной идеи, а наблюдал за дискуссиями со стороны, имея возможность оценить их критически.

О.А. Вутке отмечает, что «еще до последнего года <мы предполагаем, речь идет о второй половине 1929 года> «архитекторы не располагали никакими установками кроме самых общих положений, а именно: обобществление всего, что только можно вынести за скобки в жизни и быту людей, живущих в одном здании». При этом от архитекторов, по словам Вутке, требовалось не только скомпоновать оболочку для определенного бытового процесса, подобно тому, как это происходило в промышленном проектировании с опорой на конструктивистский метод, но «скомпоновать самый производственный процесс, в данном случае, быт». И если идея потерпела неудачу, то виноваты в этом, по мнению Вутке, не архитекторы, а на «99% – туманность программы самого задания». Вутке находит неоправданным решение обратиться за выявлением самого «производственного процесса» нового быта, не к социологам, а «к строителям». Таким образом, в своей рукописи Вутке как бы объединяет усилия двух специалистов – хозяйственника-социолога и архитектора, чтобы совместными усилиями нащупать, каким должно быть социалистическое жилище.

В начале рукописи О.А. Вутке ставит принципиальный вопрос: если, в самом деле, «новый человек не с другой планеты явится, а будет лишь следующим звеном развития в человеческой

культуры», от чего отталкиваться в поисках ответа на «туманный вопрос»? И тут же сам отвечает – «от жизни». Но что есть жизнь? Собеседникам надо договориться, ведь для кого-то жизнь – это любимая жена рядом, друг, с которым можно переброситься шуткой, свободная одежда с открытым воротом, приподнятое настроение выходного дня, летнее солнце... Вопрос «что есть жизнь?» быстро переходит в разряд «бытийных». Очевидно, что ответ на этот вопрос всегда субъективен.

Проблема в том, что жизненный процесс, в основе которого лежат естественные, но субъективные отношения людей с окружающей предметной и социальной средой, не типизируешь, не подгонишь под производственный конвейер «бытового процесса», они не выражаются «материальным субстратом», они индивидуализированы. Собеседники пробуют унифицировать понятие «жизни», которая в социалистическом обществе неразрывно связана с коллективом, и О.А. Вутке устами своего условного героя пытается сформулировать свой собственный подход к принципам организации жилого пространства советского человека, в основе которого лежит соединение, с одной стороны, принципов коллективизма, с другой – право человека на свою собственную частную жизнь. Как будет видно в дальнейшем, в системе, ориентированной на формирование коллективистского сознания, Вутке пытался найти гармонию между общественным и личным, что позднее выразилось в личной трагедии автора – в 1938 году архитектор был осужден, расстрелян и реабилитирован только в 1958 году.

Итак, по Вутке – человек не есть «живая машина» («В жилы льется новая железная кровь. / Я вырос еще. / У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. / Я слился с железом постройки. / Поднялся. / Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу. / Ноги мои еще на земле, но голова выше здания» [Гастев, 1971, с. 58]). Рассматривать быт только как рациональный производственный процесс жизненного цикла [Кузьмин, 1928, с. 14] также не представляется возможным. Жилые ячейки, нанизанные на ось коридора, эта «объемная однообразность компановки», «навязывает каждому проходящему по коридору тоскливые мысли... подсознательное ощущение, что в этом громадном корпусе все немилосердно разбито на мельчайшие объемы». Подобные планировочные приемы лишают человека «чувства уюта, приветливости», заставляют его бежать из подобных фаланстеров-коммун в поисках свободных пространств. Если считать, что социалистический быт есть следующая культурная ступень развития человечества, то что, в таком случае, может являться «точкой отсчета» для формирования новой бытовой культуры? Вутке делает, на первый взгляд, парадоксальный вывод: по отношению к материально-физической культуре человека «самый высококачественный продукт в отношении жилья – особняк».

Это предложение, которое советский архитектор решается артикулировать на рубеже 1929-1930 годов, не будет казаться таким неожиданным, если вспомнить, что Олег Алексеевич многие годы работал под руководством В.Н. Семенова, автора проектов дореволюционных городов-садов. Содержание основной части работы сводится к тому, что архитектор пытается адаптировать план особняка, по его словам – лучший «выразитель культа личности, культа индивидуализма» – к реалиям своего времени, ориентированным на обобществление всей бытовой стороны жизни. В своих рассуждениях, с одной стороны, он опирается на то, что быт действительно можно рассматривать как производственный процесс, который человек воспроизводит с момента пробуждения. С другой стороны, через идею целесообразной организации жизни, которой была пронизана вся эпоха, Вутке анализирует, какие планировочные решения в классических особняках целесообразно оставить для социалистического жилища и как их адаптировать для жизни коммунаров. О.А. Вутке не сомневался, что «по отношению к материально-физической культуре нашего рабочего жизнь в особняке является, безусловно, высшей ступенью, на которую надо подняться каждому пролетарию».

Начиная свой анализ со спальни, архитектор признает, что площадь для жилой комнаты, по нормативу составляющую на 1929–1930 годы 9 м², можно уменьшить, если речь идет о спальне для 1 человека. В случае такого сокращения площади, это помещение должно будет выходить в смежную просторную жилую комнату. Вутке с сомнением относится к передвижным перегородкам, к складной мебели. В них он видит скорее гигиенические неудобства, чем пользу. Интересно, что архитектор, рассуждая о метраже помещений, отмечает, что не только фактическая площадь имеет значение. «Благоприятное впечатление» больше всего будет зависеть от «пропорций комнаты, расположения входной двери, качестве отделки материалов». В свою очередь качество отделки и свойства используемых для этого материалов будут зависеть, как ни странно, от вида из окна жилого помещения: «Центр тяжести наших ощущений действительности как бы переносится за пределы комнаты». При этом он отмечает, что на данном этапе строительства архитекторы не стремятся учитывать особенности природного ландшафта, а после возведения жилых построек последние остаются беспризорными, и вопросам благоустройства не уделяют внимания.

Кабинет, непрменный атрибут особняка, называется у Вутке «индивидуальной комнатой» и становится обязательным элементом планировочного решения социалистического жилища, независимо от того, жилая ячейка принадлежит мужчине или женщине. При этом кабинет, являющийся надомным рабочим пространством, скажем, чертежника, инженера и проч., должен иметь площадь больше стандартной, предназначенной для рабочих профессий.

Переходя от помещения к помещению, Вутке ищет способ организации жизни человека, пытаясь привнести в повседневную жизнь элементы комфорта и найти им «целесообразное» объяснение. Так, отношение к быту как к производственному процессу требует своего инструментария, в частности, процесс непосредственного отдыха требует в интерьере мягкого, лучше кожаного, кресла: «Мягкое кресло, с подлокотниками и высокой спинкой, является столько же необходимым предметом, как оборудование комнаты письменным столом и кроватью».

В обязательную комплектацию квартиры Вутке предлагает включить также занавеску из сурового материала, называя ее «тепловой». Конструкция тепловой занавески (по аналогии с роль-ставнями) должна была препятствовать сквознякам из-под оконных рам в холодное время года и экономить тепло.

Для семейных ячеек архитектор настаивал на размещение не только индивидуальных санузлов, но и сидячих ванн. Подобные ванны оказались новаторским решением, так как действительно вошли в дальнейший обиход советского жилищного строительства. Упоминается и пылесос в качестве необходимой в домашнем обиходе техники, правда, к пылесосу должна «прилагаться» уборщица, которая раз в неделю осуществляет уборку жилых помещений коммуны.

В подобном идеализированном подходе ощущается эстетический вкус и некоторая наивность. Предложения о мягком кресле, «лучше кожаном», о ткани, выбираемой для занавесок, могли быть свойственны скорее западному архитектору, что, собственно, и говорит о том, что О.А. Вутке воспринял эту культуру, был ей не чужд. Он воспитывался представителями обрусевшего немецкого бюргерства, поддерживал связи с многочисленными сестрами в Германии, бывал у них в гостях, совершил командировочную поездку в Швецию, по маленьким, разбросанным в живописных ландшафтах деревням, где изучал традиционно применяемые шведами деревянные конструкции при возведении жилых домов. Многочисленные фотографии чудесных пейзажей, выполненные архитектором в эту поездку, хранятся в его личном архиве. Влияние западной культуры при внимательном изучении мы заметим и в других его проектах – декоративные цветные витражи «для уюта» в оконных проемах террас деревенских домов нового типа, окошко для выдачи еды на подносе между кухней и столовой – так виделся ему деревенский быт советской социалистической деревни.

Вообще, если организация жизненного процесса иной раз сталкивается у Вутке с противоречиями и только за счет фантазии легко преодолевает сложности реальной жизни, то архитектурно-пространственные рассуждения мастера всегда предметны и ясно очерчены. Чтобы соотнести автора с существующими на момент написания рукописи концепциями, надо отметить, что планировочные решения жилых ячеек для дома-коммуны, предложенные О.А. Вутке, сопоставимы со знаменитыми ячейками F и K, разработанными в мастерской М.Я. Гинзбурга. Так, сочетание в проекте небольшой высоты потолков спальни с двухуровневым пространством примыкающего «зала» можно сопоставить с пространственным решением жилой ячейки, предлагаемым О.А. Вутке и основанном на комбинации меньшей площади спальни с более просторной индивидуальной комнатой-кабинетом. Акцент на отделке материалов в зависимости от естественного освещения также применялся ранее в проектах Гинзбурга: необычная цветовая гамма в жилых ячейках дома Наркомфина была задумана специально для зрительного расширения интерьеров. Спальни с маленькой высотой комнат выходили на восточную сторону, а высокие (в полтора и два этажа) гостиные с кухнями – на запад, освещаемые послеполуденным солнцем. Тот же прием использует и О.А. Вутке.

Тем не менее оригинальность представлений о проектировании коммун Вутке состоит, скорее, в общем понимании того, что жилье должно давать человеку ощущение «я – дома!», и основная функция жилья состоит не в том, чтобы создать эффективную кратчайшую систему коридоров и доступов к центрам обобщественного быта, а организовать жилую атмосферу уюта, расслабленности, «расположения к себе». «Гостиничные» планы создаваемых домов-коммун на рубеже 1929–1930 годов, в том числе по проектам М. Я. Гинзбурга, И.С. Николаева или Н.С. Кузьмина, не находили одобрения Вутке. Он считал, что под видом создания внутреннего «артериального движения» по этажам дом лишается жилого характера, а из тесных помещений человеку инстинктивно хочется бежать в открытое пространство: «проходные коридоры никогда не дадут ни того жилого вида, ни атмосферы, которую мы ищем». Более того, по словам архитектора человек всегда будет испытывать психологический шок, если сразу выходит из двери квартиры (а в случае коммун – даже не просто индивидуальной квартиры, но из чрезвычайно обособленного личного пространства) – в пространство общего доступа. Таким образом, в проектах реализованных домов-коммун О.А. Вутке видел отсутствие самой сути социалистического жилья, сравнивая его с европейскими дешевыми гостиницами.

Способ преодоления этих проблем О.А. Вутке видел в иной планировке, нежели «коридорный» или «гостиничный» тип домов-коммун. Организационную схему жилищного коллектива он представлял как разбивку общей численности жильцов дома-коммуны на жилые сектора для групп, численностью до 20 человек в каждой, при этом общая численность дома-коммуны не должна была превышать 300 человек. Жилые помещения для каждой из групп О.Вутке предлагал компоновать вокруг общественных пространств – холла, комнаты общего досуга, буфета, кладовки (рис. 2) [Государственный архив Смоленской ..., Ф. Р-701, Оп. 1, Д. 341, л. 87]. О.А. Вутке считал, что подобным образом можно добиться такого совместного уклада жизни, который справедливо именовался бы «коммунистической семьей» и который при этом оставлял право на частную жизнь коммунаров.

Реализованный проект дома-коммуны в Смоленске стал программным произведением советского архитектурного авангарда. Дом-коммуна представляет собой семиэтажную башню на 32 квартиры, переходного типа с элементами обобщественного быта. Проект был согласован Институтом Государственных сооружений, Стройсектором Госплана СССР, Госпланом РСФСР и имел статус опытно-экспериментального [Государственный архив Смоленской ..., Ф. Р-2395, Оп. 1, Д. 742, л. 1].

В целях установления целесообразности дальнейшего использования проекта в качестве типового, дом был прикреплен к Институту Государственных Сооружений для дальнейшего

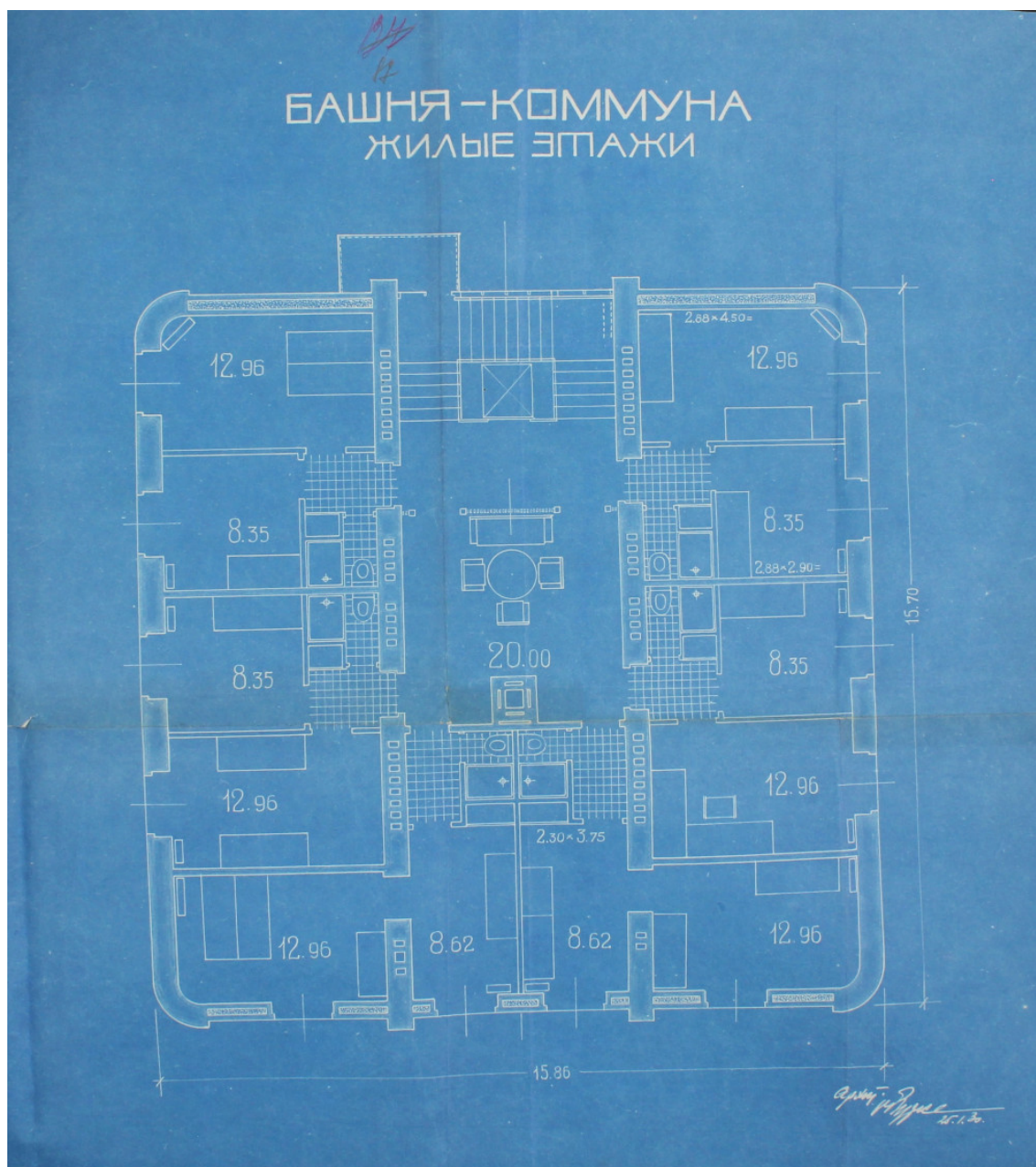

Рис. 2.
Фото плана второго этажа.

наблюдения. В пояснительной записке [Государственный архив Смоленской ..., Ф. Р-701, Оп. 1, Д. 341, л. 7-12], сопровождающей проектную документацию, О.А. Вутке указывает, что одна из целей его экспериментального проекта – желание избежать тех недостатков, которые присутствовали в проектах домов-коммун гостиничного типа, возведенных ранее в Москве (например, Дом-коммуна на ул. Орджоникидзе архитектора И.С. Николаева, Дом Наркомфина архитектора М.Я. Гинзбурга). Стремление избегать коридоров привело к значительному сокращению жилых ячеек в пределах одного этажа и группировке их вокруг одного помещения, которое архитектор назвал «коммунальная комната»: «К наружной стене этой комнаты расположена открытая лестница со сплошным остеклением. Таким образом, коммунальная комната получает характер своего рода holl'a. Здесь можно поставить небольшой стол и кресло ...и этим придать помещению жилой характер» [Государственный архив Смоленской ..., Ф. Р-701, Оп. 1, Д. 341, л. 11]. Проект предполагал двухкомнатные и однокомнатные квартиры, площадью 12,96 и 8,62 м², в каждой находился санузел с сидячей ванной и душем, из мебели – встроенный шкаф-термос для горячего питания, выданного в столовой, расположенной на первом этаже.

Рукопись, таким образом, открывает нам замысел архитектора, который, оставаясь идеалистом, руководствовался принципом, что «высшая форма индивидуальной свободы, когда, связывая все свои интересы и работу с коллективом, получаешь в то же время освобождение от мелочных и... чуждых забот, полную обособленность и самостоятельность в личной жизни».

Таким образом, подводя итог, можно констатировать следующее.

Вопрос перестройки быта рассматривался политическим руководством страны как одна из главных задач в общей работе по перестройке всей жизни страны. На волне всеобщего энтузиазма представлялось возможным политическими директивами изменить уклад жизни. Однако, по словам Троцкого, оказалось, что «политика гибка, а быт неподвижен и упрям» [Троцкий, 1927, т. 21, с.18]. Тем не менее на фоне принятых правительством форсированных темпов индустриализации вопрос «культурной надстройки», частью которой являлся вопрос реорганизации повседневного быта, из разряда теоретических перешел в задачу политическую, связанную в том числе с индустриализацией и мобилизацией всей страны. В процессе деятельности различных партийно-государственных комиссий сформировался круг деятелей, которые будучи экономистами, разрабатывали градостроительные концепции, связанные не только с вопросами социалистического расселения, но и с вопросами организации жизненного пространства «коллективного человека», плотно увязывая эту проблему с экономическими показателями промышленной деятельности предприятий. В ходе этих дискуссий вырабатывается установка на полное обобществление быта и коммунальный образ жизни населения, раздельное проживание супругов и детей с родителями. Эти идеи, поддержанные частью советской элиты, начинают широко пропагандироваться в печати. Тем не менее, как показывают материалы архивов, на самом деле они не получили широкой поддержки масс. В частности, о вопросе раздельного проживания детей и родителей в домах-коммунах, Н.К. Крупская на заседании комиссии по организации детского быта прямо говорила: «Тут у нас идет перманентный бой с тов. Сабсовичем, который настаивает на необходимости детей куда-то угнать в дет. дома. В нашей прессе помещается как мнение рабочих, что детей надо угнать как можно дальше... На деле же все, кто сталкивается с рабочей массой, знают, что это как раз не так» [РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 113, Д. 851, л. 144].

Часть архитекторов, включенных в решение проблемы перестройки социальной жизни страны, проявляя большую осторожность, работали над проектами домов-коммун переходного типа, в которых пытаются соединить принципы коллективистского проживания с независимостью личного пространства. Одним из таких архитекторов был О.А. Вутке. Свое виденье организации социалистического быта он обосновывает тем, что человека нельзя лишать ощущения домашних стен (за счет обобществления имущества, запрета на индивидуальные кухни и проч.), чувства защищенности (за счет длинных общих коридоров), возможности полноценного комфортного отдыха (лишение мебели, индивидуального санузла и проч.). Сопоставляя проект Смоленского дома-коммуны с рукописью, мы предполагаем, что в экспериментальном доме архитектор попытался уйти от недостатков ранних проектов своих коллег.

Тем не менее, ни отсутствие общего коридора, ни наличие собственного санузла в квартире и даже кожаного кресла и «правильных» штор не способны, на наш взгляд, соединить две разнонаправленные системы, ибо в основе первой – принцип личности, как верховной ценности, в основе второй – принцип братской общности людей [Бердяев, 2020, с. 337]. Эта проблема была обозначена Н.А. Бердяевым, как «роковая диалектика в развитии революционно-социалистической и атеистической мысли». Таким образом, представляется, что проблема нежизнеспособности домов-коммун как полного цикла обобществления быта, так и переходного типа, лежит много глубже, чем простое нежелание населения менять свой привычный бытовой уклад. В качестве примера достаточно вспомнить эксперимент М. Буташевич-Петрашевского середины XIX века [Бердяев, 2020, с. 324].

К началу 1930 года руководство страны осознает, что директивным внедрением новых бытовых форм проблему социалистического быта решить невозможно, так как радикальные ее программы, по всей вероятности, не находили массовой поддержки населения. В тексте Постановления о перестройке быта фигурирует только один ориентир – создать нормальные санитарно-гигиенические условия проживания, все остальные коллективистские формы сожительства пусть развиваются естественным путем, в соответствии с общественным запросом.

Несмотря на то, что общество со временем отказалось от идеи «коммунистической семьи», многие формы организации культуры быта надолго вошли в обиход советского общества. Столовые, прачечные, детские сады и ясли, клубы, Дома пионеров, безусловно, являлись новаторским подходом к решению многих социальных проблем градостроительства и возникли в результате фантазий, поиска, ошибок и экспериментов архитекторов советского авангарда.

**Автор выражает благодарность внуку архитектора – Алексею Ситнеру
за помощь в предоставлении материалов.**

ИСТОЧНИКИ

1. Вутке О.А. [Неопубликованная рукопись без названия]. Личный архив семьи Вутке.
2. ГА РФ Ф.Р393, О.85, д.1430, л.6, 9
3. Государственный архив Смоленской области Ф.Р -701, О.1, д.341, л.7-12, 87
4. Государственный архив Смоленской области Ф. Р - 2395, О.1 д.742, л.1
5. Государственный архив Смоленской области, Ф. Р-701, Оп.1, д.342, л.100
6. РГАСПИ Ф.17,О. 2, д.470, л.89-91
7. РГАСПИ Ф.17, О.3, д.720, л.1-10
8. РГАСПИ Ф.17, О.162, д.7, л.21-24
9. РГАСПИ Ф.17, О.113, д.851, л.117, 1170б., 122
10. РГАСПИ Ф.17, О.113, д. 851, л.78,80
11. РГАСПИ. Ф.17, О.113, д. 851, л.42-48

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессалько П.К., Калинин Ф.И. Проблемы пролетарской культуры: пути и достижения пролетарской культуры в освещении рабочих писателей. – Петербург: Антей, 1919.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Издательство «АСТ», 2020.
3. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии / 5 изд. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928.
4. Гастев А.К. Новая культурная установка / Второе издание. – Москва: Издательство ВЦСПС; ЦИТ, 1924.
5. Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. – Москва: Художественная литература, 1971.
6. Гинзбург М.Я. Конструктивизм как метод лабораторной и педагогической работы // Современная архитектура. 1927. № 6. С. 160/
7. Гинзбург М.Я. Жилище: Опыт пятилетней работы над проблемой жилища. – Москва: Государственное научно-техническое издательство строительной индустрии и судостроения, 1934.
8. Кетлинская В., Слепков В. Жизнь без контроля. – Москва: Молодая гвардия, 1929.
9. Кузьмин Н.С. Проблема научной организации быта // Советская архитектура. 1928. № 3. С. 14.
10. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – Москва: Политиздат, 1970. – С. 369.
11. Луначарский А.В. О быте. – Москва: Государственное издательство, 1927.
12. Маркс К. Капитал. Т.1. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2001.
13. Маркс К. К критике политической экономии. – Москва: Госполитиздат, 1949.
14. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917-1932): от города-сада к ведомственному поселку. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
15. Меерович М.Г. Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. URL: <https://archi.ru/russia/45601/diskussiya-o-socrasselenii-novye-materialy-chast-i> (дата обращения: 15.07.2023)
16. О работе по перестройке быта (Постановление ЦК ВКП (б)) от 16 мая 1930 г. // Советская архитектура, 1930. № 1-2. С. 3.
17. Пастернак А.Л. Новые формы современного жилья // Современная архитектура. 1927. № 4-5. С. 125.
18. Сабсович Л.М. Социалистические города. – Москва: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930.
19. Семашко Н.А. Мертвый хватает живого // Известия ВЦИК. 1923, 14 апр. № 8.
20. Троцкий Л.Д. Вопросы быта: эпоха «культурничества» и ее задачи. – Москва: Красная новь, 1923.

21. Троцкий Л.Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода // Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.21. – Москва, Ленинград: Госиздат, 1927. – С.18.
22. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 10-е годы: город. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
23. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн.2. Социальные проблемы. – Москва: Стройиздат, 2001.
24. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. – Москва: Издательство «Наука», 1980.

SOURCES

1. Wuttke O.A. *Neopublikovannaya rukopis bez nazvaniya* [Untitled unpublished manuscript]. Personal family archive. (in Russ.)
2. GA RF F.R393, O.85, D.1430, L.6, 9 (in Russ.)
3. Gosudarstvennii archiv Smolenskoï oblasti [The State Archive of the Smolensk region], F.R -701, O.1, d.341, l.7-12, 87 (in Russ.)
4. Gosudarstvennii archiv Smolenskoï oblasti [The State Archive of the Smolensk region], F. R - 2395, O.1, 742, L.1 (in Russ.)
5. Gosudarstvennii archiv Smolenskoï oblasti [State Archive of the Smolensk region], F. R-701, Op.1, 342, L.100 (in Russ.)
6. RGASPI [RGASPH] F.17, O. 2, D.470, L.89-91 (in Russ.)
7. RGASPI [RGASPH] F.17, O.3, D.720, L.1-10 (in Russ.)
8. RGASPI [RGASPH] F.17, O.162, D.7, L.21-24 (in Russ.)
9. RGASPI [RGASPH] F.17, O.113, D.851, L.117, 117ob., 122 (in Russ.)
10. RGASPI [RGASPH] F.17, O.113, D. 851, L.78,80 (in Russ.)
11. RGASPI [RGASPH] F.17, O.113, D. 851, L.42-48 (in Russ.)

REFERENCES

1. Bezsalko P.K., Kalinin F.I. *Problemy proletarskoï kultury: puti i dostizheniya proletarskoï kultury v osveshenii rabochih pisatelei* [Problems of proletarian culture: ways and achievements of proletarian culture in the coverage of workers' writers]. Petersburg, Antey, 1919. (in Russ.)
2. Berdyaev N.A. *Istoki i smisl russkogo kommunizma* [The Origins and meaning of Russian Communism]. – Moscow, AST Publishing House, 2020. (in Russ.)
3. Bukharin N.I. *Teoriya istoricheskogo materialism: populyarnii uchebnik marksistskoï sociologii* [Theory of historical Materialism: a popular textbook of Marxist sociology]. 5th ed.. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe publishing House, 1928. (in Russ.)
4. Fitzpatrick SH. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 10-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 10th years: the city]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. (in Russ.)
5. Gastev A.K. *Novaya kulturnaya ustanovka* [A new cultural attitude]. Second edition. Moscow, VTSPS Publishing House, CIT, 1924. (in Russ.)
6. Gastev A.K. *Poesiya rabochego udara* [A poetry of the working strike]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publishing House, 1971. (in Russ.)
7. Ginzburg M.Ya. “Konstruktivism kak metod laboratornoi i pedagogicheskoi raboty” [Constructivism as a method of laboratory and pedagogical work]. *Modern architecture*. 1927. No. 6. P. 160. (in Russ.)
8. Ginzburg M.Ya. *Zhilishe: opyt pyatiletnei raboty nad problemoi zhilisha* [Housing: Experience of five years of work on the problem of housing]. Moscow, State Scientific and Technical Publishing House of the Construction Industry and Shipbuilding, 1934. (in Russ.)
9. Ketlinskaya V., Slepkov V. *Zhizn bez kontrolya* [Life without control]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1929.
10. Kuzmin N.S. “Problema nauchnoi organizacii byta” [The problem of scientific organization of everyday life]. *Soviet architecture*. 1928. No. 3. P. 14. (in Russ.)
11. Khan-Magomedov S.O. *Arhitektura sovetskogo avangarda. Kniga 2. Socialnye problemy* [Architecture of the Soviet avant-garde. Book 2. Social problems]. Moscow, Stroyizdat, 2001. (in Russ.)
12. Khazanova V.E. *Sovetskaya arhitektura pervoi pyatiletki: Problemy goroda budushego* [Soviet architecture of the first five-year plan: Problems of the city of the future]. Moscow, Nauka Publishing House, 1980. (in Russ.)
13. Lenin V.I. “O kooperacii” [On cooperation]. Lenin V.I. *Complete works. Vol. 45*. Moscow, Politizdat, 1970. P. 369. (in Russ.)
14. Lunacharsky A.V. *O byte* [About life]. Moscow, State Publishing House, 1927. (in Russ.)
15. Marx K. *Kapital* [Capital]. Vol. 1. Moscow, LLC AST Publishing House, 2001. (in Russ.)
16. Marx K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [To the criticism of political economy]. Moscow, Gospolitizdat, 1949. (in Russ.)
17. Meerovich M.G. *Gradostroitel'naya politika v SSSR (1917-1932): ot goroda-sada k vedomstvennomu poselku* [Urban planning policy in the USSR (1917-1932): from the garden city to the departmental settlement]. Moscow, New Literary Review, 2017. (in Russ.)
18. Meerovich M.G. *Diskussiya o socrasselenii. Novye materialy* [Discussion about social settlement. New materials]. URL: <https://archi.ru/russia/45601/diskussiya-o-socrasselenii-novye-materialy-chast-i> (accessed 15.07.2023) (in Russ.)
19. “O rabote po perestroike byta (Postanovlenie CK VKP(b) ot 16 maya 1930 goda)” [On the work on the restructuring of everyday life (Resolution of the Central Committee of the CPSU (b)) of May 16, 1930]. *Soviet Architecture*. 1930. No. 1-2. P. 3. (in Russ.)
20. Pasternak A.L. “Novye formy sovremennogo zhiliya” [New forms of modern housing]. *Modern architecture*. 1927. No. 4-5. P. 125. (in Russ.)
21. Sabsovich L.M. *Socialisticheskie goroda* [Socialist cities]. Moscow, Gosizdat RSFSR “Moscow worker”, 1930. (in Russ.)
22. Semashko N.A. “Mertvyi hvataet zhivogo” [The dead is missing the living]. *Izvestiya VTsIK*. 1923, Apr 14. No. 8. (in Russ.)

23. Trotsky L.D. *Voprosy byta: epoha "kulturnichestva" i ee zadachi* [Questions of life: the era of "kulturnichestvo" and its tasks]. Moscow, Krasnaya Nov, 1923. (in Russ.)
24. Trotsky L.D. *"Problemy kultury. Kultura perekhodnogo perioda"* [Problems of culture. Culture of the transitional period]. Trotsky L.D. *Essays. Vol.21*. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1927. P. 18. (in Russ.)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Фото рукописи О.А. Вутке.

Источник: Личный архив семьи О.А. Вутке.

Рис. 2. Фото плана второго этажа

Источник: Государственный архив Смоленской области, Ф. Р-701, Оп. 1, Д. 341, л. 87.